

«НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОЦЕНКИ

Аннотация. «Война миров» Герберта Уэллса зафиксировала закат викторианской Англии, борьбу старого и нового. Это сражение в истории завершилось формированием новой системы отношений и выходом на мировую арену новых глобальных игроков. Участникам дискуссии было предложено поразмышлять о сложном процессе складывания новой «нормы» с точки зрения глобальных исторических и политических процессов. В дискуссии представлены различные видения терминологической применимости «новой нормальности». Постулируется, что нет общепризнанного понимания того, что считать «новой нормальностью» даже в сфере международных отношений. Участники дискуссии дают оценку мировым событиям (революции, экономический кризис 2008 г., COVID-2019 и пр.) и рассматривают их через призму формирования новой «нормы» во взаимодействии государств и обществ. И если для одних кризис 2008 г. уже сформировал «новую нормальность» в международных отношениях, то для других исследователей — исторический отрезок времени после мирового экономического кризиса является лишь предварительным этапом. Некоторые участники дискуссии сконцентрировали свое исследование вокруг представления, что «новая нормальность» — это конструируемая реальность. Отмечается, что каждая «нормальность» является еще одной социальной конструкцией, и всегда есть различные заинтересованные силы, стремящиеся сохранить или изменить «нормальность» в коммерческих, политических и идеологических целях.

Ключевые слова: «новая нормальность», кризис, посткризис, международные отношения, кризис 2008 г., новые глобальные акторы.

Цитирование: Дериглазова Л.В., Еремина Н.В., Сихарулидзе А., Плиев С.М. «Новая нормальность» в международных отношениях: представления и оценки // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С. 186–220. DOI 10.185722/2500-3224-2021-3-186-220 / Deriglazova L.V., Eremina N.V., Sikharulidze A., Pliev S.M. "New Normal" in International Relations: Perceptions and Assessments, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No 3. Pp. 186–220. DOI 10.185722/2500-3224-2021-3-186-220.

© Дериглазова Л.В., Еремина Н.В., Сихарулидзе А., Плиев С.М., 2021

Вопросы дискуссии:

1. Сегодня в академическом дискурсе мы часто встречаем словосочетание «новая нормальность», пришедшее к нам из ситуации посткризиса – 2008. Что мы вкладываем в это понятие?
2. Можем ли мы обнаружить формирование «нормальности» в историческом контексте до 2008 г.?
3. Можно ли рассматривать кризис как исключительную предпосылку к формированию «новой нормальности»? Где это можно увидеть?
4. «Воображаемое» и «реальное» кризиса: всегда ли кризис реален?
5. Если представить процедуру нормализации не только как процесс возврата к прежнему состоянию, но фиксацию статус-кво и легитимацию «новой нормы» в публичном дискурсе, возможно ли делегитимировать «норму»?

Участники дискуссии:

Дериглазова Лариса Валерьевна, доктор исторических наук, профессор, факультет исторических и политических наук, Томский государственный университет.

Еремина Наталья Валерьевна, доктор политических наук, профессор, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.

Сихарулидзе Арчил, PhD (кандидат социологических наук), преподаватель, Тбилисский государственный университет имени Иване Джавахишвили.

Плиев Сослан Муратович, кандидат политических наук, руководитель, Центр экспертного содействия; доцент, кафедра политологии и социологии, Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова.

“NEW NORMAL” IN INTERNATIONAL RELATIONS: PERCEPTIONS AND ASSESSMENTS

Abstract. “The War of the Worlds” of Herbert Wells documented the decline of Victorian England, the struggle between the old and the new. This battle in history culminated in the formation of a new system of relations and the emergence of new global players on the world stage. We propose to reflect on the complex process of forming a new “norm” from the perspective of global historical and political events. The discussion indicated a different vision of the terminological applicability of the “new normal”. It is postulated that there is no generally accepted understanding of what is considered the “new normal” even in the field of international relations. In the discussion participants assess world events (revolutions, the economic crisis-2008, COVID-2019, etc.) and consider them through the prism of the formation of a new “norm” in the interaction of states and societies. And if for some of them the crisis of 2008 has already formed a “new normal” in international relations, for other researchers the historical period after the world economic crisis is only a preliminary stage. Some discussants focused on the hypothesis that the “new normal” is a constructed reality. Each “normality” is noted as one more social construct; there are always various interested actors seeking to maintain or change “normality” for economic, political and ideological reasons.

Keywords: new normal, crisis, post-crisis, international relations, 2008 crisis, new global actors.

Questions of the discussion:

1. In academic discourse today we often encounter the term “new normal” which has come to us from the post-crisis situation of 2008. What do we mean by that term?
2. Can we find the formation of “normality” in the historical context before 2008?
3. Can the crisis be seen as an exceptional precondition for the formation of a “new normal”? Where can this be seen?
4. The “imaginary” and the “real” of crisis: is the crisis always real?
5. If we envisage the normalisation procedure not only as a process of return to the previous state, but as the capture of the status quo and the legitimisation of the “new normal” in public discourse, is it possible to delegitimise “the norm”?

Discussants:

Deriglazova Larisa V., Doctor of Science (History), Professor, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University,

Eremina Natalia V., Doctor of Science (Political Science), Professor, Faculty of International Relations, Saint-Petersburg State University.

Sikharulidze Archil, PhD (Candidate of Sociology Science), Invited lecturer, Tbilisi State University.

Pliev Soslan M., Candidate of Science (Political Science), Head of the Center for Expert Assistance, Associate Professor, Department of Political Science and Sociology, South Ossetian State University named after A.A. Tibilov.

ТАКАЯ РАЗНАЯ «НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ»

Дериглазова Лариса Валериевна

Томский государственный университет,

Томск, Россия

dlarisa@inbox.ru

Аннотация. Статья является частью дискуссии о применении термина «новая нормальность» для анализа современной системы международных отношений. Автор предлагает три тезиса и приводит примеры в обоснование своей позиции. Первый тезис заключается в том, что понятие «новой нормальности» широко используется в разных сферах взаимодействия помимо международных отношений. В условиях пандемии Covid-2019 данное понятие является популярным мемом, в том числе и в международных отношениях. Второй тезис содержит утверждение о том, что понятие «нормальности» предполагает согласие акторов системы по поводу содержания и масштаба данного состояния. При этом интерпретация «норм» и «нормальности» часто не совпадают у участников международных отношений. Третий тезис обосновывает наличие разных оценок событий и явлений, меняющих привычное состояние системы отношений и определяющих «новую нормальность». В качестве примеров приводятся случаи России, США, стран Европы, ООН. В заключении автор предлагает учитывать в анализе международных отношений конкретное понимание «нормальности» и событий, которые ее меняют. Кроме того, важен учет масштаба анализируемой «нормальности» и оценок других акторов системы конкретной ситуации как соответствующей норме в рамках их систем координат «норм» и «нормальности».

Ключевые слова: нормальность, норма, пандемия, Россия, США, мировая система, международные отношения.

Цитирование: Дериглазова Л.В. Такая разная «новая нормальность» // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С. 190–197. DOI 10.18522/2500-3224-2021-3-190-197 / Deriglazova L.V. Such a Different "New Normal", in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No 3. Pp. 190–197. DOI 10.18522/2500-3224-2021-3-190-197.

© Дериглазова Л.В. 2021

SUCH A DIFFERENT “NEW NORMAL”

Deriglazova Larisa V.

Tomsk State University,

Tomsk, Russia

dlarisa@inbox.ru

Abstract. Article is a part of the discussion of the notion of new normal/normality in analysis of current status of international relations. Author suggests three theses and gives examples in support of her opinion. The first thesis insists that the notion of new normal/normality is widely used in various areas of people interactions beyond international relations. During pandemic of Covid-2019 “new normal” becomes a popular meme including the sphere of international relations. The second thesis maintains that the notion of “new normal” suggests existence of a covenant of actors of a system in regard to content and scale of such situation. Indeed interpretation of “norms” and “normality” often diverge among participants of international relations system. The third thesis argues that there are many different evaluations of events that change current system of interaction and that determine “new normal”. Examples include cases of Russia, USA, European countries and United Nations. In conclusion author suggests considering in analysis of international relations specific understanding of the “normality” and events that it has changed. Also it is important to consider scale of analysed “normality” and evaluations of concrete events by different actors of the system in accordance to their system “norms” and “normality”.

Keywords: normality, norm, pandemic, Russia, USA, world system, international relations.

Для обсуждения проблемы «новой нормальности» я бы хотела предложить три тезиса, которые отражают мое понимание относительности и неоднозначности данного понятия применительно настоящего состояния мировой системы и оценок изменений в ней. Во-первых, понятие «новой нормальности» не является исключительно прерогативой аналитиков мировой политики, это скорее сверхпопулярный мем в условиях пандемии Covid-2019. Во-вторых, восприятие «нормальности» как соответствие норме разительно отличается у разных участников международного взаимодействия в одно и то же время. В-третьих, понятие «новой нормальности» отражает принятие какого-то события или явления, которое меняет парадигму «нормальности», однако оценки значимости этого явления или события также могут различаться у акторов мировой политики. Я постараюсь обосновать тезисы в поддержку своей позиции.

Тезис 1. Понятие «новой нормальности» не является прерогативой аналитиков мировой политики.

Предложение обсудить тему «новой нормальности» выявило любопытное обстоятельство. Это понятие является популярным в самых разных сферах жизни современных обществ, в том числе, в далеких от мира международных отношений. Особенно популярным данное словосочетание стало в 2020 г., когда «новая нормальность» стала описанием жизни миллиардов людей в условиях глобальной пандемии. «Новая нормальность» — одно из самых популярных названий документальных фильмов и передач о пандемии и жизни в условиях пандемии в разных странах¹. Би-Би-Си (BBC) с апреля по июль 2020 г. транслировала передачу «The New Normal» с ведущим Уильямом Кроули, где приглашенные гости обсуждали с ведущим жизнь в условиях пандемии и локдауна². Понятие «новой нормальности» используют вне связи с пандемией или мировой политикой. Под названием «Новая нормальность» фирма Армани выпускала линейку одежды, выходил американский ситком в 2012–2013 гг., и в ноябре 2020 г. вышла американская кинокомедия. Можно найти большое количество подкастов с этим названием.

Несомненно, рассуждение о «новой нормальности» сегодня будет связано с пандемией, которая почти мгновенно изменила формы жизни и способы общения людей в разных странах мира. Многие массовые формы жизни и взаимодействия, которые являлись нормой, были ограничены, а способы взаимодействия, имевшие достаточно ограниченное применение, стали стремительно массовыми. Во многих странах мира, включая Россию, произошел взрывной рост рынка интернет-продаж и бесконтактной оплаты покупок, произошел массовый переход на дистанционные формы обучения, сотни миллионов людей стали работать из дома и т.д. При этом произошло крушение туристического сектора, сектора международных пассажирских перевозок, сектора гостеприимства и общественного питания. Эти изменения обсуждались экспертами с использованием термина «новая нормальность», начиная с весны 2020 г. [См., например, Локтионова, 2020].

¹ См., например, фильм, вышедший в Великобритании в январе 2021 г. «The New Normal Documentary» производства happen.network. URL: <https://muse.ai/v/CRFPmJ1-The-New-Normal-Documentary-by-happennetwork>.

² См.: <https://www.bbc.co.uk/programmes/p0893rld>.

Тезис 2. Восприятие нормальности отличается у разных участников международного взаимодействия в одно и то же время.

Система международных отношений и характер взаимодействия в ней являются постоянным объектом дискуссий. Нет ничего более наглядного в этой связи, чем сравнительное изучение учебников национальной истории и истории международных отношений в разных странах. Характер международного взаимодействия, принципы и нормы, на которых они строятся, место и роль своей страны в международной системе, — все это по-разному оценивается в разных странах. Даже в таком, казалось бы, монолитном «Западе», видение мирового порядка и норм, его формирующих, отличается у представителей, например, США, Германии и Греции.

Восприятие системы международных отношений в разных регионах мира и аналитический инструментарий тем более отличаются. В 1990-е гг. исследователи критические оценивали использование доминирующих теорий международных отношений и их базовых концепций применительно стран третьего мира. Тогда исследователи указывали на наличие противоречий между используемыми концепциями, основанных на аналитическом инструментарии западной политической науки, и описываемой реальностью стран третьего мира [См., например, Clapman, 1996; Neuman, 1998].

В 1990-е гг. начался радикальный пересмотр представлений о системе международных отношений и нормах международного взаимодействия в тех странах, которые стремились стать частью западного мира после распада биполярной системы. Бывшие страны Восточного блока переосмысливали собственную историю и место своей страны в международной системе предшествующего периода в гораздо большей степени, чем страны «старого Запада». Российская Федерация — яркий тому пример, как и страны Центральной и Восточной Европы, страны бывшего СССР.

Другим примером использования термина «нормальность» является политика стран Запада в отношении России после 1991 г. Западные страны реализовывали политику реформ под условным названием «нормализации», то есть приведение политической системы и внешнеполитического поведения РФ в соответствии с нормами и ожиданиями стран Запада. «Нормальная» Россия должна была отказаться от великодержавных притязаний и особых интересов в отношении стран бывшего СССР и Восточного блока, ее политическая система должна была соответствовать принципам демократии, верховенства права и уважения прав человека, а экономическая система должна была базироваться на принципах рыночной экономики. То есть, реформированная Россия должна была стать «обычной», «нормальной» страной с предсказуемым внешнеполитическим поведением и системой действующих институтов и норм в рамках демократической парадигмы.

Причем такая постановка проблемы вовсе не предполагала принуждения России к реформам и к принятию новых норм. Политические лидеры постсоветской России на протяжении всего времени подчеркивали свою приверженность демократизации и реформированию России на пути в содружество развитых стран западной демократии. Современное состояние отношений РФ со странами Запада основано

на понимании того, что РФ не является «нормальной» страной [См., например, Laguelle, 2016; Kratochvil, 2008; Snyder, 2018]. Можно привести многочисленные подтверждения тому, что в России на уровне политических элит и населения страна не воспринимается как «обычная» (normal) страна, а является великой державой и претендует на особое место в мире. Причем как российские политики, так и простые россияне, полагают, что величие России основано на военной силе. Вспоминая более чем тридцатилетний путь реформирования и демократизации России, можно попытаться ответить на вопрос: «Когда Россия была «нормальной» и соответствовала парадигме демократических реформ?» Почти каждый год в истории пореформенной России является основанием для дискуссии по этому вопросу как внутри страны, так и за ее пределами.

Рассуждая о «нормальности» в мировом масштабе можно рассмотреть ООН, как глобальную и наиболее инклюзивную международную организацию с признанной системой институтов и договоров, регулирующих деятельность ее институтов. Однако ООН постоянно меняется с момента создания в 1945 г., и нередко разные страны трактовали по-разному договоры, нормы и принципы международного права как в период холодной войны, так и после окончания биполярного противостояния [См., например, Gaiduk, 2012]. Один из самых застарелых конфликтов, в урегулировании которого участвует ООН, — палестино-израильский, дает массу примеров для диаметрально противоположных оценок одних и тех же событий и решений ООН разными странами и акторами международных отношений¹.

В 2010-е гг. западные эксперты и политики все чаще называют РФ и Китай «ревизионистскими державами» (revisionist powers), то есть такими, которые пытаются изменить систему отношений, выстроенную западными странами и основанными на их интерпретации норм международного сотрудничества [Mead, 2014]. Это означает, что существующая «нормальность» мировой системы не исключает наличия стран, которые выступают с ее критикой изнутри, пытаясь настаивать на необходимости коррекций в соответствии со своими представлениями о нормах и нормальности.

Тезис 3. Значимость события или явления, меняющего «нормальность» и приводящего к «новой нормальности», может по-разному оцениваться разными акторами мировой политики.

Проблема определения точки изменения системы в результате какого-то события или явления также является предметом споров среди экспертов. Понятие реперной точки, точки бифуркации, кризиса — это термины, которые предлагаются для фиксации события, меняющего систему. Многие эксперты полагают, что войны приводят к перестройке мировой системы на основе нового баланса сил и интересов [См., например, Gilpin, 1997]. Большие политические потрясения как революции, например, в России в октябре 1917 г., несомненно, влияли на всю систему международных

¹ См., например, подборку пресс-релизов ООН по поводу конфликта на сайте ООН. URL: <https://www.un.org/press/en/palestinian-issues>.

отношений, включая периферию. Однако, оценка самого события разнится как на пространстве мировой политики, так и во времени. Драматическая переоценка событий 1917 г. произошла в России после 1991 г., когда более важным событием стала считаться февральская революция, а ноябрьская революция стала официально характеризоваться как «захват власти» большевиками.

Организаторы этого обсуждения выбрали 2008 г. для обсуждения «новой нормальности» как год начала глобального экономического кризиса. Действительно, экономический и финансовый кризис 2008–2011 гг. оказал огромное влияние на многие экономики мира, включая США и страны Европейского союза. Безработица, падение ВВП, кризис еврозоны и спасение «евро», долговые программы стран ЕС на грани дефолта (Греция, Испания, Кипр), спасение отдельных национальных отраслей экономики в США — все это сопровождалось массивными интервенциями государств для спасения финансовой и экономической системы и во избежание социальных и политических потрясений. Однако, был ли кризис таким же значимым для всех стран и регионов мира?

Для России более существенным оказался финансовый и экономический кризис вследствие санкций 2014 г., однако в странах, которые ввели эти санкции, экономического спада не произошло. Динамика курса рубля, инфляции и индекса изменения ВВП РФ показывают незначительное влияние кризиса 2008–2011 гг. на российскую экономику и значительное влияние — санкций. Режим санкций является «новой нормальностью» для РФ, однако оценка этого вызова для экономики, политики, международных отношений и общества — предмет споров как внутри РФ, так и за ее пределами.

Одно и то же событие может иметь незначительные последствия для функционирования системы, а может определить все дальнейшие трансформации. Можно сравнить значимость распада Восточного блока для стран Запада и для самих стран Восточного блока; распад СССР для стран бывшего СССР и стран вне него; значение перестройки в СССР для жителей страны и для внешних игроков. Масштаб, последствия и значимость перемен являются несопоставимо разными. Многие историки обращали внимание на то, что важное значение имеет не сама проблема и ее масштаб, а то, как на эти вызовы реагирует конкретное общество. Арнольд Тойнби отмечал, что для некоторых обществ вызовы являются стимулами развития и ссылался, в том числе, на историю российского государства в противостоянии с внешним давлением [Тоупбе, 1947, р. 239–240].

Если взять за точку отсчета «новой нормальности» 2008 г., то стоит вспомнить, что год был полон других важных событий, которые оказали огромное влияние на мировую политику. В феврале 2008 г. автономный край Косово и Метохия объявили о своей независимости от Сербии, и это решение было признано многими западными странами. Важным кризисом 2008 г. для международных отношений стала августовская война РФ с Грузией в период летних Олимпийских игр в Пекине, и последующее признание РФ независимости Южной Осетии и Абхазии, и непризнание их независимости большей частью стран мира. Весной 2008 г. на президентских

выборах в РФ победил Д.А. Медведев, с президентством которого связывают непродолжительный период либерализации внутренней и внешней политики современной России. В США в ноябре 2008 г. на президентских выборах победил Барак Обама с его программой перемен, и это событие стало одним из сильнейших потрясений для всей политической системы США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2020 г. «новая нормальность» стала мемом, что заставляет более активно осознавать неустойчивость и призрачность нормы и вечный переход от устоявшейся нормы к «новой норме» и «новой нормальности». В этом отношении мировая система дает множество примеров постоянной модификации норм, их трактовки и того, что является «нормальностью». Фантастический роман Герберта Уэллса «Война миров», предложенный инициаторами дискуссии в качестве отправной точки обсуждения состояния международных отношений с точки зрения «новой нормальности», удивительным образом соответствует реалиям сегодняшнего мира. Роман повествует о вторжении сверх-развитой цивилизации марсиан на землю. Неожиданную победу землянам обеспечило не их военно-техническое превосходство над марсианами, а неподготовленность марсиан к болезням планеты. Ирония ситуации 2020 г. заключается в том, что глобальная пандемия показала недостаточную готовность землян противостоять вирусам не столько по научным и технологическим причинам, сколько по причинам антропологическим, политическим и социальным.

Пандемия показала, что современное глобальное общество с его высокой мобильностью и интенсивностью контактов создает идеальные условия для стремительного распространения вируса по всей планете. Пандемия выявила, насколько современные люди являются уязвимыми – психологически и физически, при резком ограничении социальных контактов. Пандемия вскрыла высокое недоверие людей политикам, и то, что политики используют пандемию в своих политических целях и во вред интересам граждан своих стран. Пандемия обнаружила, насколько люди во многих странах являются необразованным с точки зрения базовых знаний биологии и гигиены. И если в романе Уэллса земляне спасают земные бактерии от порабощения марсианами, то сегодня земляне становятся жертвами собственных действий, когда не могут мобилизовать имеющиеся возможности для спасения сотен тысяч жизней.

По моему мнению, содержание и интерпретацию «новой нормальности» во многом определяют те акторы, которые предлагают данное словосочетание для объяснения происходящего. Поэтому «новая нормальность» всегда будет иметь определенную привязку к тому, что принимается за «нормальность», и какие именно события рассматриваются как меняющие *status quo*. При обсуждении «новой нормальности» важно учитывать, каков масштаб этой «нормальности» для других акторов системы, и насколько они воспринимают данную ситуацию как соответствие норме в рамках собственной системы координат норм и нормальности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Локтионова М.В. «Новая нормальность»: как изменится Россия после пандемии // *Газета*. 28.04.2020. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/28/13065343.shtml> (дата обращения – 29 июля 2021 г.)

Gaiduk I.V. *Divided together: The United States and the Soviet Union in the United Nations, 1945–1965*. Wash., DC: Wilson Center Press, Stanford University Press. 2012. 328 p.

Kratochvíl P. The discursive resistance to EU-Enticement: The Russian elite and (the lack of) Europeanisation // *Europe-Asia studies*. 2008. Vol. 60. № 3. Pp. 397–422.

Laruelle M. Russia as an anti-liberal European civilisation // *The new Russian nationalism: nationalism, ethnicity and authoritarianism, 2000–2015*. Ed. by Kolsto P., Blakkisrud H. Edinburgh: Edinburgh university press, 2016. Pp. 275–297.

Mead W.R. The return of geopolitics. The revenge of revisionist powers // *Foreign Affairs*. May–June 2014. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2014-04-17/return-geopolitics> (дата обращения – 4 августа 2021 г.)

Snyder T. *The road to unfreedom: Russia, Europe, America*. New York: Tim Duggan books, 2018. 359 p.

Toynbee Arnold J. *A study of history*. Abridgement of vols. 1–6 by D.C. Somervell. New York and London: Oxford University Press, 1947. xiii, 617 p.

REFERENCES

Loktionova M.V. “Novaya normal’nost’”: kak izmenitsya Rossiya posle pandemii [“New normal”: how Russia will change after the pandemic], in *Gazeta*. 28.04.2020. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/28/13065343.shtml> (accessed 29 July 2021)

Gaiduk I.V. *Divided together: The United States and the Soviet Union in the United Nations, 1945–1965*. Wash., DC: Wilson Center Press, Stanford University Press. 2012. 328 p.

Kratochvíl P. The discursive resistance to EU-Enticement: The Russian elite and (the lack of) Europeanisation, in *Europe-Asia studies*. 2008. Vol. 60. No 3. Pp. 397–422.

Laruelle M. Russia as an anti-liberal European civilization, in *The new Russian nationalism: nationalism, ethnicity and authoritarianism, 2000–2015*. Ed. by Kolsto P., Blakkisrud H. Edinburgh: Edinburgh university press, 2016. Pp. 275–297.

Mead W.R. The return of geopolitics. The revenge of revisionist powers, in *Foreign Affairs*. May–June 2014. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2014-04-17/return-geopolitics> (accessed 4 August 2021)

Snyder T. *The road to unfreedom: Russia, Europe, America*. New York: Tim Duggan books, 2018. 359 p.

Toynbee Arnold J. *A study of history*. Abridgement of vols. 1–6 by D.C. Somervell. New York and London: Oxford University Press, 1947. xiii, 617 p.

Статья принята к публикации 28.08.2021

«НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ»: КОНЕЦ ИЛИ НАЧАЛО?

Еремина Наталья Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
nere78@mail.ru

Аннотация. Современное общество столкнулось с комплексом взаимосвязанных проблем. Так, проблема изменения климата не только создает риски для людей и государств, но и влияет на системы производства, требуя их адаптации к изменившимся условиям, а также на решения правительств, вынужденных перенаправлять финансовые средства все в большем объеме на нивелирование соответствующих рисков. Вкупе с ростом иммиграционных потоков, повышением террористических угроз, финансовые возможности правительств повсеместно сокращаются. Мы наблюдаем замедление темпов экономического роста, снижение социальной нагрузки государства на фоне обострения международной повестки. В настоящее время дополнительным фактором обострения как внутривнутриполитической, так и внешнеполитической обстановки стал коронавирус. Он смог замкнуть на себя наиболее важные риски и страхи общества. Для решения существующих вызовов его необходимо консолидировать. И, казалось бы, фактор коронавируса должен был способствовать искомой консолидации. Однако он лишь укрепил нынешние общественно-политические и экономические разделительные линии (в обществах повсеместно произошла поляризация доходов) и создал новые (например, вакцинированные и невакцинированные группы людей), подтвердив идею о трансформации мира и «новой нормальности». Поэтому «новая нормальность» – это понятие, фиксирующее новые тренды в развитии общества (тренды на углубление социального расслоения между наиболее богатыми и наиболее бедными группами людей, причем речь идет, в том числе, о вполне успешных государствах), в диалоге общества и власти (тренд на резкое падение лояльности населения всем видам государственных институтов), в укреплении новых аспектов в общественно-политическом и экономическом развитии (идентификационного и, неожиданно, медицинского плана), в отсутствии внятной картины будущего, представляемой как властью, так и обществом.

Ключевые слова: коронавирус, кризис, МВФ, ЕС, НАТО, Россия.

Цитирование: Еремина Н.В. «Новая нормальность»: конец или начало? // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С. 198–207. DOI 10.18522/2500-3224-2021-3-198-207 / Eremina N.V. "New Normal": the End or the Beginning?, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No 3. Pp. 198–207. DOI 10.18522/2500-3224-2021-3-198-207.

© Еремина Н.В., 2021

“NEW NORMAL”: THE END OR THE BEGINNING?

Eremina Natalia V.

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia
nerem78@mail.ru

Abstract. Contemporary society faces a complex of interrelated problems. The problem of climate change not only creates risks for people and states, but also affects production, requiring them to adapt to changing conditions, as well as decisions of governments that are forced to redirect financial resources more and more to level the corresponding risks. Considering an increase in immigration flows, in terrorist threats, the financial capacity of governments is shrinking everywhere. We see a slowdown in economic growth, a decrease in the social burden of the state against the background of an aggravated international agenda. Currently, the coronavirus pandemic has become an additional factor in exacerbating both the domestic and foreign political situation. The pandemic was able to isolate the most important risks and fears of society. To address the existing challenges, it is necessary to consolidate society. It would seem that the pandemic should have contributed to the desired consolidation. However, it only strengthened the existing socio-political dividing lines and created new ones (for example, between vaccinated and unvaccinated), confirming the idea of the transformation of the world and the “new normal”. Therefore, “new normal” is a concept that anchors new trends in the development of societies (deepening social stratification between the richest and the poorest), in the dialogue between society and government (decline in loyalty to all types of state institutions), in new aspects of socio-political and economic development (identification and, unexpectedly, medical), in the absence of a clear picture of the future presented by both the government and society. In this article, we reflect on the current trends in all spheres, their mutual influence, possible responses of society and government.

Keywords: coronavirus, crisis, IMF, EU, NATO, Russia.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «новая нормальность» в полной степени отражает ситуацию во всех сферах жизни после возникновения коронавирусной угрозы и принятия набора мер, которые изменили жизни людей, взаимодействия в обществе, работу бизнеса, отношения власти и граждан. Именно после 2020 г. мы воочию увидели признаки «нового мира», выраженного в измененных общественно-политических и экономических взаимодействиях. При этом коронавирус не создал новую реальность, он скорее более четко ее определил и ускорил процессы, разворачивавшиеся длительное время до 2020 г., начиная преимущественно с 2008 г.

В этой связи период после мирового экономического кризиса, т.е. с 2008 г. по 2020 г. следует рассматривать как предварительный. Тогда были обозначены точки поворота, т.е. изменений, во всех государствах, во внутреннем и внешнем измерении их деятельности, так что мы получили право говорить не просто о единичном, но уже о системном кризисе, который является знаком трансформации глобальной системы. Как обычно, многие линии кризиса переплелись благодаря политике США, по-прежнему являющихся лидером глобальной финансовой элиты, тем более что штаб-квартиры крупнейших ТНК (успешных бенефициаров текущего положения) находятся именно в США. И именно ТНК (IT гиганты и фармакологические холдинги) значительно укрепили свои позиции в условиях борьбы с коронавирусом.

АСПЕКТЫ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ», ВОЗНИКШИЕ В ПЕРИОД С 2008 ПО 2020 г.

После кризиса 2008 г. эксперты стали говорить об изменениях в глобальной экономике. Впервые появился такой термин как «посткапитализм», означающий кризис существующей и поиск новой оптимальной модели экономического развития. Этот кризис привел к созданию механизмов совместных действий правительств ведущих экономик (прежде всего, речь о государствах G7). А принадлежность клубу G7 как раз и означает тесное взаимодействие конкретных государств в решении глобальных экономических проблем [G7 leadership for sustainable, resilient and inclusive economic recovery and growth, 2021]. Именно тогда государства согласились с тем, что будут следовать единым рецептам выхода из любого кризиса [Gurtner, 2010], невзирая на то, что реально работающие механизмы, создание которых зависит от взаимодействия власти с обществом и разными бизнес игроками, так и не были выработаны. Ведь ставка была сделана на более тесное взаимодействие правительств государств «Семерки» [Dancing together? Spillovers, common shocks, and the role of financial and trade linkages, 2013]. Очевидно, что с учетом роли США в системе, это взаимодействие означает признание рецептов, предлагаемых США. При этом возможности самих США контролировать ситуацию постепенно сокращались, появились новые крупные игроки, которые не были включены в данную систему

на уровне принятия решений и тесной межправительственной координации, но стремились к такому признанию (Китай, прежде всего, а затем и Россия).

Таким образом, фаза трансформации глобальной системы под руководством США и мировой финансовой элиты оказалась осложнена межгосударственным соперничеством, что привело к масштабному давлению так называемого «коллективного Запада» на новых игроков (санкции, безапелляционная политическая риторика). В результате деятельности новых игроков и неспособности «мировых западных лидеров» договариваться не только друг с другом, но и с ними, нарастании финансовых проблем, социальной напряженности повсеместно, в стане коллективного Запада также начались рассогласования, в которых по-прежнему обвиняли либо Россию, либо Китай, либо даже Иран. Главная загвоздка здесь – взаимодействия США и ЕС, хотя принадлежность большей части стран ЕС к НАТО нивелирует радикальность рассогласований. И теперь мы действительно наблюдаем некоторую координацию бюджетной и налоговой политик в разных государствах. А там, где не удастся ее согласовать, более сильный игрок (США) просто вводит санкции или ограничения.

При схожих схемах реагирования на все вызовы, что стало обычной практикой для государств после 2008 г., стартовые возможности стран отличаются, что не только не способствует стабилизации системы, сформированной западными государствами, и координации усилий, но, напротив, в действительности приводит к более жесткому разграничению государств на блоки (союзы). Сейчас происходит ретерриториализация мира в рамках укрепления союзов ближайших друг другу государств. В этой связи мы, наверное, должны говорить не о кризисе глобализации, а об ее трансформации, подчеркивающей формирование нескольких крупных региональных союзов. Следующим этапом лет через 20 станет система договоренностей уже между этими блоками. Понятно, что в период с 2008 г. по 2020 г. изменилась не только экономика.

Активизация очагов напряженности в различных регионах мира особенно сильно выросла после 2008 г. В период с 2008 г. по 2020 г. мы фиксировали миграционный кризис с 2011 г., кульминация которого пришлась на 2015 г., формирование ИГ (запрещенная в России организация) в 2013 г. и т.д. Мировой терроризм стал наиболее масштабным фактором, обусловившим трансформацию в системе управления, связанную с ужесточением контроля над гражданами, включая покупки, переписку и передвижения. Но наибольшую степень контроля над обществом правительства получили именно в результате борьбы с коронавирусом. Однако в то время, как росла негативная реакция обществ на антиковидную политику правительств, свои позиции укрепляли международные организации.

Коронавирус обострил указанные процессы и ускорил их. Он обозначил четкие сферы, где необходимо сотрудничество всех государств, которые должны действовать почти по одним и тем же лекалам для борьбы с кризисом. В частности, казалось немыслимым, но именно ВОЗ определил стандарты решений, которые приняли практически все государства (за очень редким исключением) [Вспышка

коронавирусной инфекции COVID-19, 2019; Глобальный ответ на коронавирус: вклад международных институтов, 2020]. Тогда же в конкуренцию за мировые рынки включились помимо международных финансовых фондов еще и фармацевтические гиганты, и цифровые компании.

И еще один важный момент был обозначен в 2020 г.: произошел рост цифровизации. Цифровые технологии, активно применявшиеся в ходе борьбы с коронавирусом (подчеркну: цифровые технологии против медицинской проблемы!), окончательно создали рычаги контроля над обществом. Обратим лишь внимание читателя на то, что, как мировой терроризм, так и коронавирус были использованы как угрозы, которыми объясняли изменения в системе контроля и управления.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ КРИЗИСА 2020–2021 гг.

Современный человек оказывается неспособным сформулировать картину будущего, он затрудняется ответить на вопрос, каким будет или каким должно быть будущее, так как изменения в любом случае чреваты какими-либо потерями. Однако человек практически всегда может четко сказать, чего он не хочет, чего он боится и опасается. Страхи, риски и угрозы на разных уровнях, начиная от личного, заканчивая международным, уже давно активно обсуждаются в общественных науках, прежде всего, в социологии и политологии как фактор жизнедеятельности. Например, утвердившийся в политологии концепт секьюритизации как раз обозначает угрозы как явные, в случае если они приняты, определены и утверждены таковыми в политическом истеблишменте и обществе [Vizan, 2009]. Очевидно, что в этом случае не все угрозы являются реальными, но оказываются скорее связанными с позициями групп, заинтересованными в той или иной интерпретации. Более того, в таком контексте угрозы могут быть созданы искусственно.

Коронавирус как раз стал последней каплей в росте общественных и личных страхов и потому оказался фактором изменения управления на нескольких уровнях. По сути, страх перед коронавирусом позволил актуализировать инструмент угроз. Так, последние десять лет обозначаемые международным сообществом и национальными правительствами риски и вызываемые ими страхи позволяли активно перенаправлять финансовые потоки, создавать новые производства, закрывать старые, влиять на международные отношения и вообще мировую повестку.

СТРАХИ И РИСКИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ В «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»

Данные инструменты уже были опробованы в рамках защиты окружающей среды и изменений климата. Теперь в этой сфере активно преуспевают США и ЕС, которые поднимают «зеленую» тематику и предлагают широчайший набор ограничений

(сокращение углеродных выбросов до 0 % к 2050 г.) [European Green Deal..., 2019]. Риски, связанные с экономической конкуренцией, также решаются ограничениями, накладываемыми, прежде всего, США, и поддерживаемые мировыми финансовыми институтами. Другая угроза, работающая в том же направлении, — миграционный поток, к которому добавилась проблема роста террористических угроз. В дальнейшем ситуация была обострена постепенным и планомерным сокращением доходов населения, размыванием среднего класса, ужесточением социальной политики, торговыми и налоговыми войнами, ростом конкуренции.

Очень важно, что все перечисленные угрозы могут быть связаны и с деятельностью стран. В этой ситуации обыватель одного государства может ожидать угрозу (экологическую, экономическую, террористическую) практически от любого другого государства.

Коронавирус многократно актуализировал и обострил эти опасения. Дело в том, что в результате борьбы с коронавирусом были закрыты границы, правительства разных стран воспринимали друг друга как угрозу. И именно по этой причине коронавирус оказался еще более действенным способом влиять на ситуацию, чем терроризм и миграция. Более того, в случае коронавируса мы вынуждены говорить не только об угрозе из-за рубежа, но и о повышении всеобщего недоверия внутри обществ, когда каждый воспринимал другого человека как угрозу (источник заражения) внутри собственной страны, фактически люди начинали видеть друг в друге врага. Впервые было объявлено, что нет здоровых людей, есть бессимптомные носители, а значит один человек в другом человеке должен видеть угрозу и приветствовать максимальное социальное разобщение. Это решение, в свою очередь, обрушило классические законы эпидемиологии в контексте профилактики и борьбы с вирусами, не относящимися к наиболее опасным, с учетом, что большая часть людей переносит коронавирус вообще бессимптомно [Wu, 2021]. Таким образом, на человека, уже отягощенного разного рода проблемами, прежде всего, социально-экономическими («проблемы разряда быть или не быть»), навалились еще и проблемы в контексте «жить или не жить».

Здесь стоит напомнить и про нарастание военных угроз. Кстати, в международной политике тема русофобии также заняла свое место в иерархии угроз. Поэтому обратим внимание на версию, озвученную в ряде СМИ стран Запада, об утечке коронавируса из лаборатории «недружественной страны». Таким образом, можно легко совместить угрозу здоровью с военной угрозой.

Также коронавирус позволил еще более ужесточить и социально-экономические угрозы (локдаун), причем повсеместно.

В общем ковид, конечно, — это очень удобный инструмент, который как мастер-ключ, замкнул на себя практически все угрозы. Да и спастись современному человеку уже негде, и именно из-за коронавируса. Везде примерно одно и то же, и границы закрыты.

РЕАКЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ НА КОРОНОВИРУС

Очевидно, что важнейший инструмент направления развития общества – инструмент работы со страхами людей и различными сегментами общества. Второй, вытекающий и связанный с первым инструмент, – ограничения. Но где истинный источник этих решений? С первого взгляда кажется, что в результате коронакризиса власть вернулась в государства, а национальные правительства принимают решения самостоятельно. Однако со второго взгляда на ситуацию мы видим, что все следовало примерно одному и тому же сценарию за очень редким исключением. Даже там, где эпидемия не была объявлена (включая Россию), позиция ВОЗ о пандемии была учтена полностью [Covid-19 in Developing Countries, 2020].

Россия не предложила свои рецепты, но следовала указаниям ВОЗ и руководствовалась примерами других стран. У нас попытались «оседлать» коронакризисную повестку, предложив свои вакцины. Однако этот шаг сработал лишь отчасти. По всей видимости, так как позиция Россия в «этом новом прекрасном мире» сама по себе преподносится как угроза, то, конечно, все, что происходит из нее, будет названо угрозой.

Вирус есть, но предлагаемые рецепты не связаны с решением этой конкретной проблемы. Они не учитывают, что общество изменилось. Невозможно исправить ситуацию, рассматривая граждан как лабораторных мышей, а государство – как лабораторию, в которой этих самых мышей удастся изолировать и внедрять те или иные препараты. С современным обществом это не получится сделать. И рецепты решения не могут быть сформулированы исключительно на данных вирусологии, либо только на данных эпидемиологии. Очевидно, что использование QR кодов, выход на прогулку по четным и нечетным числам, и даже социальная изоляция не спасают от распространения вируса. Это просто невозможно, ибо общество в действительности все же не изолировано в некоем подобии лаборатории. Так что предлагаемые рецепты демонстрируют так называемое «примитивное управленческое сознание».

ВЫВОД

Трансформация продолжается. Но что уже можно отметить? – у правительств нет четких ориентиров для принятия решений, кроме рекомендаций неких международных структур, которые вовсе не являются независимыми; – нет доверия общества власти, а власти – обществу, при этом власть сама себя загнала в коронавирусную ловушку, поддавшись панике и страху, и дискредитировав себя хаотичными жесткими мерами, которые в принципе не работают, но скорее вызывают недовольство и растерянность людей; – нет единства в обществе, уровень взаимной агрессии нарастает, а правительства не только не пытаются смягчить эту проблему, но, напротив, только способствуют разобщению; – нет четко отлаженного взаимодействия

между всеми государствами, споры вокруг вакцин только способствовали международному обострению.

Российское общество в целом, как оказалось, относительно вяло и индифферентно восприняло угрозу коронавируса. Пришлось приложить значительные усилия, чтобы раскатать данную угрозу. Это неудивительно. Наши люди с 1990-х гг. живут в состоянии кризиса. В 1991 г. рухнул СССР, в 1993 г. последовал конституционный кризис, затем в 1995 г. и 1998 г. мы боролись с экономическими кризисами. Одновременно с этим шла Чеченская война, нарастала угроза терроризма. В 2008 г. и 2013 г. случились очередные экономические кризисы, далее мы наблюдали рост военных локальных угроз, а теперь и коронавирус. В общем, наша жизнь и так сложна, поэтому фактор коронавируса не может вызвать серьезную панику в России. Борьба с коронавирусом оказалась неудачной не только с медицинской точки зрения (так как в ходе этой борьбы фактически отказались лечить и признавать другие болезни, все пневмонии объявлены ковидными, все симптомы ОРЗ стали основанием для диагноза ковид и т.д., что вкуче с другими системными ошибками привело к жесточайшей перегрузке всей системы, панике, повышенной смертности от других заболеваний), но и с социально-политической и экономической точек зрения. Общество разделено по нескольким линиям: выросло взаимное недоверие общества и власти друг другу. Отсутствие консолидации общества ослабляет его, что опасно в контексте постоянно обостряющейся международной обстановки. Ведь в отсутствие четкой и конкретной информации о вирусе, его происхождении и распространении, всегда может появиться желание на кого-то возложить вину за его возникновение. По крайней мере, уже сейчас видно, что страны Запада осуждают «вакцинную дипломатию» России и Китая.

В этой ситуации нашим властям стоит немедленно прекратить нагнетание и панику, провоцировать разобщение в обществе, используя как угрозу коронавируса, так и инструменты ее решения (например, вакцинацию). Необходимо приступить к достижению принципиально иной цели: общественной консолидации. Через некоторое время именно фактор консолидации будет иметь значение, превалируя над всеми остальными, включая методы борьбы с коронавирусом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Вспышка коронавирусной инфекции COVID-19 // *Всемирная организация здравоохранения*. URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019> (дата обращения – 05 июня 2021 г.).

Глобальный ответ на коронавирус: вклад международных институтов. URL: <https://globalcentre.hse.ru/data/2020/09/09/1579206201/Глобальный%20ответ%20на%20коронавирус.pdf> (дата обращения – 05 июня 2021 г.).

A European Green Deal. Striving to be the first climate-neutral continent // *An official website of the European Union*. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (дата обращения – 05 июня 2021 г.).

Buzan B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. Colchester: ECPR Press, 2009. 318 p.

Covid-19 in Developing Countries. Ed. by Djankov S., Panizza U. CEPR (e-book), 2020. URL: <https://cepr.org/content/covid-19-developing-countries> (дата обращения – 05 июня 2021 г.).

Dancing together? Spillovers, common shocks, and the role of financial and trade linkages // *International Monetary Fund*. October 2013. URL: http://econweb.umd.edu/~kalemli/assets/policy&blog/_c3pdf.pdf (дата обращения – 05 июня 2021 г.).

G7 leadership for sustainable, resilient and inclusive economic recovery and growth. An independent report requested by the UK Prime Minister for the G7. URL: <https://www.lse.ac.uk/granthaminstitute/wp-content/uploads/2021/05/G7-leadership-for-sustainable-resilient-and-inclusive-economic-recovery-and-growth.pdf> (дата обращения – 05 июня 2021 г.).

Gurtner B. The Financial and Economic Crisis and Developing Countries // *International development policy*. 2010. № 1. Pp. 189–213.

Wu K.J. C.D.C. Now Says People Without Covid-19 Symptoms Do Not Need Testing // *The New-York Times*. 2021. July 3.

REFERENCES

Vspysyka koronavirusnoy infektsii COVID-19 [Outbreak of coronavirus infection COVID-19], in *World Health Organization*. URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019> (accessed 05 June 2021).

Global'nyy otvet na koronavirus: vklad mezhdunarodnykh institutov [Global response to coronavirus: contributions from international institutions]. URL: <https://globalcentre.hse.ru/data/2020/09/09/1579206201/Global'nyy%20otvet%20na%20koronavirus.pdf> (accessed 05 June 2021).

A European Green Deal. Striving to be the first climate-neutral continent, in *An official website of the European Union*. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (accessed 05 June 2021).

Buzan B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. Colchester: ECPR Press, 2009. 318 p.

Covid-19 in Developing Countries. Ed. by Djankov S., Panizza U. CEPR (e-book), 2020. URL: <https://cepr.org/content/covid-19-developing-countries> (accessed 05 June 2021).

Dancing together? Spillovers, common shocks, and the role of financial and trade linkages, in *International Monetary Fund*. October 2013. URL: http://econweb.umd.edu/~kalemli/assets/policy&blog/_c3pdf.pdf (accessed 05 June 2021).

G7 leadership for sustainable, resilient and inclusive economic recovery and growth. An independent report requested by the UK Prime Minister for the G7. URL: <https://www.lse.ac.uk/granthaminstitute/wp-content/uploads/2021/05/G7-leadership-for-sustainable-resilient-and-inclusive-economic-recovery-and-growth.pdf> (accessed 05 June 2021).

Gurtner B. The Financial and Economic Crisis and Developing Countries, in *International development policy*. 2010. № 1. Pp. 189–213.

Wu K.J. C.D.C. Now Says People Without Covid-19 Symptoms Do Not Need Testing, in *The New-York Times*. 2021. July 3.

Статья принята к публикации 28.08.2021

КОНЕЦ «НОРМАЛЬНОСТИ» — «КОНЕЦ ИСТОРИИ»?

Сихарулидзе Арчил

Тбилисский государственный университет имени Иване Джавахишвили,
Тбилиси, Грузия
archil.sikharulidze@tsu.ge

Аннотация. С точки зрения изменения глобального мирового порядка 2008 год был поистине историческим моментом, который свидетельствовал «конец истории» в терминологии Ф. Фукуямы. Речь идет не только о глобальном экономическом кризисе, но и о российско-грузинском конфликте как о переходе к цивилизационному расколу на постсоветском пространстве. Однако наличие кризиса — не обязательный компонент при изменении «старой нормальности» или даже формирования «новой нормальности», но из-за недостатков человеческой природы иногда кажется, что это неизбежно. Любая «нормальность» — это еще один социальный конструкт, который можно легко трансформировать, модифицировать, демонтировать и даже восстановить. Поэтому, конечно, «нормальность» может быть делегитимизирована; более того, всегда есть группы, акторы и различные заинтересованные силы, которые стремятся сохранить или изменить «нормальность». Собственно, сегодня мы, как и многие годы назад, фиксируем сражение глобальных сил за то, что станет затем «новой нормальностью».

Ключевые слова: «конец истории», доктрина процветания, Южный Кавказ, постпандемическая акторность, глобалистский нарратив.

Цитирование: Сихарулидзе А. Конец «нормальности» — «конец истории»? // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С. 208–213. DOI 10.18522/2500-3224-2021-3-208-213 / Sikharulidze A. The End of "Normality" or the "End of History"?, in Novoe Proshloe / The New Past. 2021. No 3. Pp. 208–213. DOI 10.18522/2500-3224-2021-3-208-213.

© Сихарулидзе А., 2021

THE END OF “NORMALITY” OR THE “END OF HISTORY”?

Sikharulidze Archil

Tbilisi State University,
Tbilisi, Republic of Georgia
archil.sikharulidze@tsu.ge

Abstract. In terms of changing the global world order, 2008 was a truly historical moment that signalled “the end of history” in Fukuyama’s terminology. We are not only referring to the global economic crisis, but also to the Russian-Georgian conflict as a transition to a civilisational rupture in the post-Soviet space. However, the presence of a crisis is not a necessary component in changing the “old normal” or even forming a “new normal”, but because of the flaws in human nature it sometimes seems inevitable. Any “normality” is one more social construct that can easily be transformed, modified, dismantled and even restored. Therefore, of course, “normality” can be delegitimised; moreover, there are always groups, actors and various interested parties who seek to maintain or change “normality”. In fact, today, as many years ago, we are capturing the battle of global powers over what will then become the “new normal”.

Keywords: ‘the end of history’, prosperity doctrine, South Caucasus, post-pandemic actorness, globalist narrative.

The year of 2008 is a historic moment for global world order, especially with regard to economic and geopolitical dimensions. On the one hand, worldwide economic crisis and, on the other hand, the Russo-Georgian military conflict made it obvious that Francis Fukuyama's "the end of history" has finally ended. Liberal capitalist economic model, previously considered as a given normality, led the globe to a financial crisis that fundamentally shaken up the post-Cold War embedded assumptions and views. Economic model that, in theory, should have brought prosperity and is still being frequently assessed as the "only right way of doing stuff" has been found to be pretty volatile and fragile. This so attractive the Western "prosperity doctrine" malfunctioned and once more proved that there is nothing given, inevitable and, the most importantly, universal. As Samuel Huntington noted, the Western values are unique but not universal; the widely used but actually rarely shared/implemented view. At the same time, the Tbilisi-Moscow military confrontation that burst out in August 2008, including recognition of what Georgia calls separatist regions of Abkhazia and South Ossetia, finalized deep rupture between the generalized West and the East, especially, Russia and China. All in all, the Kremlin's decision to punish its South Caucasian neighbor was determined not only by philanthropic motives of "protecting" and "supporting" unrecognized regions but mostly by necessity of sending a clear message to the West, practical realization of Vladimir Putin's Munich Speech – Russia is Back and the Western-oriented world is over; something that Beijing silently applauded. By the end of the day, a "cold breeze" blew for those who thought that the post-Cold War Western-oriented and derived global world order was imminent, flawless and eternal. People woke up in this new reality where history moved forward keeping pre-2008 "normality" behind and building a "new normal". This basic principle seems to be fundamentally primordial.

Arguably, history of a mankind is a continuous struggle for setting up a new and dismantling an old "normality". This is what we may probably well define by the Latin phrase inscribed on US dollar – *Novus Ordo Seclorum* (Eng. A new order of the ages). Every world order has its own "normality" that may absolutely differ from previous one in a "good" or "bad" way. Mankind always strives for something "brand new" but sometimes this "contemporary advanced system" inherits well-forgotten historical features. Thus, instead of constructing a "new", we just go back to well-forgotten and/or may be intentionally abandoned in the past roots. So far, with the collapse of the Soviet Union the globe witnessed at least deconstruction and reconstruction of a few "normalities". On the one hand, the world socialist revolution finally came to its logical end, burring long-lasting bipolar world order with its norms, values and standards. On the other hand, a new "sheriff" raised in the face of United States of America. The new world order brought new normal to those lands and millions of people who were suddenly surprised by the communist collapse and found themselves in the totally alien environment. The Soviet people were forced to through an extensive training to fit a world ruled by the West, particularly, Washington D.C. But unipolar world did not last long. Every system is looking for a balance and the generalized West's total dominance started to disappear. Political, economic and

military build-up in EU, Russia, China and India changed alignment of forces. The once “world sheriff” or it will be better to say “world judge” US lost its hegemony, turning to a dominant global actor while international order is sliding to a multipolarity on our eyes. We may argue that this “new normal” started shaping in the beginning of 2000s, when united Europe accepted EURO and factually initiated self-determination process, Vladimir Putin started power consolidation in Russia and Chinese political-economic experiment/development model finally proved to be highly successful. Vladimir Putin’s Munich Speech in 2007 was just verbal verification of already existed upcoming revolutionary changes.

Frequently crisis is a hardly foreseen and recognizable phenomenon; especially for those actors and powers who are in charge. Dominant forces are unwilling to agree that existing regime does not bring stability and balance to the globe anymore. So far, only after a particular even that enforces system to malfunction and break elites face the fact that – “the upper classes cannot; the lower classes do not want”. It is time for evolutionary or sometimes revolutionary changes. Rarely, professional expertise may predict processes but even in this case human factor opposes to preventive steps that may undermine money flow and power distribution. Currently, more and more private enterprises invest in AI (Artificial Intelligence) software that basing on precise algorithms must inform managers of existing problems and decisions to be made. To summarize, there is no need to face a crisis to start modifying “old normal” or even shaping “new normal” but due to disadvantages of human nature it sometimes seems to be imminent. Probably the latest best example of a “new normal” that was highly predictable is COVID-19 pandemic. Once seen only in horror movies and/or read in historical books, people are forced to live under continuous stress, depression and restrictions. And this is despite warnings from international scholars and experts, who preventively informed the world leaders of an inevitable proliferation of different viruses due to the so-called “open borders” policy and rapid globalization process. Furthermore, there were demands to make fundamental investments in medicine and keep hospital sector stably strong. By the end of the day, absolute majority of the post-Soviet state were totally unprepared for the global pandemic. Hospital sector in Russian regions failed to deliver basic services while in Georgia local government managed to control situation only thanks to hardly survived Soviet legacy – strong virology school/tradition. The “new normal” pushed these countries not only to adjust but also to finally start listening and reacting on possible upcoming threats.

There are objective and subjective realities. Objective reality physically directly impacts human beings and is usually attached to external factors like global warming, droughts, famine, pandemics... When the nature unleashes its wrath on Earth it is definitely a real crisis, independent from perceptions, views, attitudes and schools of thoughts. On the other hand, alongside with mother nature humanity exists in a subjective reality that is basically reflection of interpretations, contexts, aspirations, goals and fears of individuals. In this “matrix” not every crisis is actually

the crisis; it can be simply a “phantom pain” from depression, anxiety, lost and other important factors. Additionally, human beings can and are frequently decisive in persuading themselves of being in a crisis, unable to differentiate fake from real, emotions from logic – the so-called wishful thinking. We may definitely argue that the former president of Donald Trump experienced defeat in presidential elections due to unwillingness to meet parameters of the “new normal” – COVID-19. Mr. Trump simply turned a blind eye on that following president of Turkmenistan Gurbanguly Berdimuhamedow, who simply legally “cancelled” the pandemic. The US president decided to respond to this “new normal” with “nonrecognition” policy; and the objective reality, the crisis that changed rules globally, achieved an unconditional victory. Interestingly, Mr. Trump’s rival Joseph Biden is trying to reject, at least for home audience, subjective crisis raging on the global political arena – an ongoing collapse of the US-dominated world order, the dawn of US hegemony and formation of a multipolar international system. The “US is Back” policy which is highly articulated by American and European news agencies is frequently represented as a return to “normal normality” existed before Mr. Trump, before Vladimir Putin and China were given “permission” to raise, challenge Washington. But this is yet another case of the wishful thinking. The US cannot lead the world because the world does not want to be unilaterally led by Americans anymore. Whether “back” or not, we live in a “new normal” where the EU is still highly attractive actor while the US is one of the dominant powers; but there is alternative “center of gravities” for now.

Every “normality” is yet another social construction that can be easily wrapped, modified, dismantled and even restored. Thus, of course, “normality” can be delegitimized; moreover, there are always groups, actors and various interested powers that strive to keep or change “normality” for the sake of mercantile, political and ideological purposes. Interestingly, even the most democratic and critical thinking-oriented nations, countries block and restrict those debates and events that may undermine existing “normality”. The leading social media platforms like Facebook and Twitter used to follow free speech principle for years. Furthermore, they were represented as impartial and supranational. But as soon as an acting president Donald Trump’s twitter account was used to question, violate and/or break existing “normality” on the ground, including the US globalist narrative, fairness of held presidential elections, feminist agenda and so on, these attempts were simply blocked by the Twitter’s administration. Even nowadays, American IT companies try hard to restrain Mr. Trump’s access to social media due to his influence and actual ability to persuade people delegitimate current American “normality”. People worldwide suddenly realized that the free speech is not as free as it seemed to be; and that, by the end of the day, American IT enterprises obey foremostly US laws, defend American values and American way of understanding these values. Nowadays, once platforms that were considered as unregulated “lands” of freedom of expression, regulate almost every word and sentence, users being afraid of temporary and/or lifelong bans. So far, we have proven assumption that every single “normality” defends itself from delegitimization if it feels being threatened. Another example is the so-called Russia’s

revisionist policy, meaning continuous attempts by the Kremlin to change power alignment and take over the international law. In practice, Moscow is simply trying to delegitimize the post-Cold War “normality”, arguing that it does not represent reality anymore; thus, this system can no longer perform its fundamental duties – keep stability and balance on global arena. The US and its allies that in turn delegitimized the Cold War “normality” and forged the Western-oriented “new normal” is desperate to keep status-quo.

Статья принята к публикации 28.08.2021

«НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Плиев Сослан Муратович

Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова,
Цхинвал, Республика Южная Осетия
yogu@mail.ru

Аннотация. В ответах на поставленные вопросы дается авторское понимание концепта «новой нормальности» в политических процессах современного мира. Рассматриваются исторические аспекты формирования «новой политической нормальности» в различные исторические эпохи, а так же актуальные политические практики, которые реализуются в современном обществе. Показаны различные примеры формирования «новой нормальности» в политике и обществе как в форме революции и полного слома существующего режима, так и трансформация в современном виде как реакция государства на чрезвычайные обстоятельства и с опорой на современные информационные технологии.

Ключевые слова: общество, новая нормальность, политика, кризис, трансформации, революция, история.

Цитирование: Плиев С.М. «Новая нормальность» в современном мире: исторические аспекты и актуальные политические практики // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С. 214–220. DOI 10.18522/2500-3224-2021-3-214-220 / Pliev S.M. "New Normal" in the Modern World: Historical Aspects and Current Political Practices, in Novoe Proshloe / The New Past. 2021. No 3. Pp. 214–220. DOI 10.18522/2500-3224-2021-3-214-220.

© Плиев С.М., 2021

“NEW NORMAL” IN THE MODERN WORLD: HISTORICAL ASPECTS AND CURRENT POLITICAL PRACTICES

Pliev Soslan M.

South Ossetian State University named after A.A. Tibilov,
Tskhinval, Republic of South Ossetia
yogu@mail.ru

Abstract. Answering the questions posed, the author gives his understanding of the concept of “new normalcy” in the political processes of the modern world. The author also describes the historical aspects of the formation of a “new political normal” in various historical epochs, as well as current political practices that are implemented in modern society. Various examples of the formation of a “new normal” in politics are shown, both in the form of a revolution and a complete breakdown of the existing regime, as well as a transformation as a reaction of the state to emergency situations.

Keywords: society, new normal, politics, crisis, transformations, revolution, history.

Новая нормальность в политике является многосмысловой категорией. В ее основе находится глобальное изменение самого смысла политического и отказ от традиционного понятия власти и авторитета. Нормальностью в современной политике является частое несовпадение глобального уровня интересов и доктрин, когда можно просчитать определенные действия, где существует политическое предвидение и политический анализ, и уровень конкретных проявлений политического действия.

В своей истории человечество неоднократно сталкивалось с формированием «новой нормальности», как системы принципиально новых оснований жизни во всех ее аспектах. Формирование и утверждение «новой нормальности» может занимать определенное историческое время. Можно рассмотреть ряд исторических примеров, не претендуя на полноту данного анализа. Например, принятие христианства, когда изменились сами первоосновы всей жизни, базировавшейся на определенном мировоззрении. Не сразу. Но новая этика, понятия о добре и зле сформировали и закрепили «новую нормальность». В принципе, ислам и любое другое религиозное учение создают «новую нормальность», которая продуцирует принципиально иные, не сопоставимые с тем, что были раньше императивы жизни.

В политике «новая нормальность» формируется как правило революциями, сецессиями или глобальными, системными политико-экономическими реформами. Обретение государственной независимости — это появление «новой нормальности» жизни, началом которой выступает либо завершение войны, либо революция, только не в форме дворцового или верхушечного переворота, а та, которая приводит к глобальным социальным сдвигам и появлению нового типа общества. В частности самый яркий пример это Октябрьская революция 1917 г., до этого Великая французская революция и т.п. Нужно сказать несколько слов о том, что такое формирование «новой политической нормальности» как революционный политический проект. Возможность формирования в России «новой политической нормальности» определялось наличием глобального кризиса, который в такой форме был спровоцирован усталостью от Первой мировой войны, наложившейся на существовавшие социальные и политические противоречия, которые ранее привели к Первой русской революции 1905–1907 гг. В тот исторический период кризис был преодолен с формированием лишь отдельных элементов «новой политической нормальности», но без тотального слома всего существовавшего ранее политического и социально-экономического порядка. Отметим, что слом существовавшего ранее порядка и формирование таким образом «новой политической нормальности» произошел не только в России пережившей неудачную Русско-японскую войну и Первую русскую революцию, но и в странах, в которых как считалось, нет такого критического уровня нестабильности и социально-политических противоречий.

В России «новая политическая нормальность», постреволюционная, сформировалась в условиях полного уничтожения прежнего правящего класса,

уничтожения всех первооснов экономического уклада и отмена вообще частной собственности как таковой, уничтожения всей прежней идеологии и мировоззрения и замены его новой и достаточно целостной коммунистической доктриной. Поменялись основы жизненных стратегий людей, поведенческие стандарты, одобряемые и не одобряемые мысли и действия. Революция – это, безусловно, классическая форма появления «новой нормальности», как крайне болезненный, но быстрый слом всего существовавшего ранее порядка вещей и принятия нового.

Современное общество показывает пример другого механизма формирования «новой нормальности», как результата существенных системных кризисов, в ходе которых правящая элита не сменяется, как в примере связанным с революцией, а трансформируется и адаптируется сама и заставляет общество жить по новым, выгодным для данной элиты законам. Здесь имеются в виду посткризисные трансформации 2008 г. и современные процессы, которые изменяют общество и политику в связи с пандемией COVID-19.

Говоря о научном понятии «новой политической нормальности» в современной глобальной политике нужно обратить внимание на специфику его происхождения. Само понятие «новой нормальности» (New Normal) было использовано как оценка политических и социально-экономических итогов глобального кризиса 2008 г. Оно было прописано в принятом мировыми лидерами на саммите в Питсбурге G-20 коммюнике в сентябре 2009 г. Суть термина заключалось в описании состояния посткризисного общества.

«Новая нормальность» – это когда общество обрело новые стабильные институциональные, мировоззренческие и поведенческие формы. Сами по себе кризисные явления не могут стать «новой нормальностью» если они приходящие и могут постепенно изживаться и не формируют новых стабильных форм отношений. Закрепленные на длительное время явления составляют «новую нормальность». Она формирует те рамки и условия, в которых нужно жить дальше и которые не могут быстро трансформироваться.

Понятие «новой нормальности» в политике и жизни общества актуализировали многочисленные политико-экономические, мировоззренческие и поведенческие аспекты и последствия пандемии COVID-19 [Локтионова, 2020]. Разрушение или существенное ослабление казалось бы незыблемых социальных связей, социальное дистанцирование, разрушение или ослабление традиционно принятых и реализуемых форм коммуникации в обществе, стабилизация на неопределенно большой период тех явлений и процессов, которые раньше считались временными и кризисными.

В этой связи очень интересным представляется исследование Экспертного института социальных исследований, который проанализировал «новую нормальность» в европейских государствах с точки зрения отказа от казалось бы

незыблемой, начиная с окончания Второй мировой войны, парадигмы демократии и главенства прав человека. В докладе «Новая нормальность. Как Европа отказывается от гражданских прав и политической традиции» отмечается формирование новых глобальных принципов по следующим основаниям. 1. Распад сложившейся демократической системы социальных, политических, идеологических и коммуникационных институтов европейского общества и формирования системы управления в рамках фактически неограниченного по времени чрезвычайного положения. Сюда же относится и фактический конец доминирования практики разделения властей, их правовой и институциональной ограниченности и строгого следования принципу компетентности и конституционным основам. В замен система чрезвычайных полномочий, неконституционных органов власти и управления, непредусмотренные ранее форматы принятия и реализации значимых для жизни общества решений. 2. Исчезновения свободы и автономии личности, по крайней мере, в том виде, как она традиционно понималась. Ограничения, вплоть до полного запрета прав на свободное передвижение, вероисповедания, свободу собраний, миграционный кризис с нарушениями как прав мигрантов, так и коренного населения. Развитие глобальных цифровых технологий до такой степени, что они фактически упразднили тайну и приватность личной жизни и ставят современного человека в условия полной и тотальной слежки, помещая человека в условия полного информационного контроля. 3. Завершение эпохи толерантности в ее традиционном понимании. По мнению авторов доклада именно эти принципы начинают формировать «новую политическую реальность» прежде всего в западных странах [Кузнецов, Соколова, 2021].

«Нормальность» в современной политике на среднем и низовом уровне — это восприятие как нормального и принимаемого явления абсурда и «цирка», когда политические решения принимаются под воздействием непроверенной информации из СМИ, случайных и сиюминутных лидеров мнения, моды, исторических мифов. То, что раньше было неприемлемым в выработке и реализации политических решений, теперь является нормальным и приемлемым, вот в чем смысл понятия «новая нормальность». Она является неизбежным производным от общества постмодерна и потребления, распада традиционных культурно-мировоззренческих ориентиров и понятий, деградация исторической памяти. Теперь мировоззренческую, а, следовательно, и политическую нормальность определяют не какие-либо критерии истинности и авторитеты, а просто представления, которые сами по себе являются формируемыми и манипулируемыми. Можно согласиться, что кризис является важнейшей и необходимой предпосылкой формирования «новой политической нормальности». Кризис это невозможность сохранения прежней нормальности как функционального и логичного целого. Может когда-то она и была приемлемой и функциональной, но трансформация общества и новая историческая эпоха требует формирования нового порядка вещей, который и станет на определенное время «новой нормальностью». Без кризиса не произойдет

смена существующего порядка и поэтому он не просто важнейшее, а неизбежное условие формирования «новой нормальности», но только в том случае, если речь идет о полном исчерпании своих жизненных ресурсов у существовавшего ранее порядка. Наглядно это проявляется в революциях, и нужно понимать, что имеется в виду именно кризис всей системы. Отдельные неприятные и проблемные явления, которые не разрушают базовые ценности и первоосновы, таким кризисом считаться не могут. Локальность проблем не приведет к формированию новой нормальности.

Кризис, в результате которого формируется «новая нормальность» реален всегда. Или это могут быть отдельные кризисные явления, которые осложняют жизнь для уже существующей системы, но не несут угрозу для нее в целом. Если они не могут сломать существующий порядок, то, разумеется, у них нет никакого потенциала для формирования нового порядка, который в данном контексте мы называем «новой нормальностью». Можно попытаться определить ряд характеристик такого кризиса. 1. Он должен быть системным, т.е. при таком формате кризиса не останется островков стабильности, которые могли бы стать основой для восстановления прежнего социально-политического и экономического порядка. 2. Должна быть сильная идеологическая составляющая. «Новая политическая нормальность» – это, безусловно, новая руководящая идея или религия. Великие мировые религии, христианство, ислам, буддизм, имеющие религиозную подоплеку политические идеологии, например коммунизм. Такая идеологическая первооснова «новой нормальности» должна быть настолько мощной и динамичной, что бы увлечь основные социальные слои и дать необходимые силу и энергию, что бы подавить тех, кто может оказать сопротивление. 3. «Новая нормальность» должна обладать большим количеством сторонников, кто будет готов жить по новым принципам и даже защищать их при необходимости. Так же должна присутствовать достаточно большая группа конформистов, которые может и не принимают новые принципы со всей искренностью, но которые не будут против них бороться и готовы со всей необходимой дисциплиной жить по новым правилам.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Локтионова М. «Новая нормальность»: как изменится Россия после пандемии // *Газета.Ru*. 24.04.2020. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/28/13065343.shtml> (дата обращения – 05 августа 2021 г.).

Кузнецов Г.С., Соколова Е.Н. Новая нормальность. Как Европа отказывается от гражданских прав и политической традиции. М., 2021. 77 с. URL: <https://eistr.ru/upload/iblock/bb7/bb7ac17c973c5c1cf9c743b774f06f20.pdf> (дата обращения – 05 августа 2021 г.).

REFERENCES

Loktionova M. "Novaya normal'nost'": kak izmenitsya Rossiya posle pandemii ["New normalcy": how Russia will change after the pandemic], in *Gazeta.Ru*. 24.04.2020. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/28/13065343.shtml> (accessed 05 August 2021).

Kuznetsov G.S., Sokolova Ye.N. *Novaya normal'nost'. Kak Yevropa otazyvayetsya ot grazhdanskikh prav i politicheskoy traditsii* [New normalcy. How Europe abandons civil rights and political tradition]. Moscow, 2021. 77 p. URL: <https://eisr.ru/upload/iblock/bb7/bb7ac17c973c5c1cf9c743b774f06f20.pdf> (accessed 05 August 2021).

Статья принята к публикации 28.08.2021